

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

И. Б. Иткин

Ударение — одна из наиболее трудных как для описания, так и для выучивания областей русского языка. Замечательные успехи в исследовании русского ударения, достигнутые во второй половине XX века А. А. Зализняком и другими акцентологами, далеко не в полной мере отражены в существующих грамматических работах, в частности в знаменитой «Русской грамматике» 1980 г. Так, если описание ударения в падежных формах существительных, выполненное М. С. Сухановой [Грамматика-80, т. I: 511–530], в общих чертах следует системе акцентных парадигм, предложенной в [Зализняк 1967], то техника акцентных маркировок словообразовательных суффиксов, наиболее подробно разработанная в книге [Зализняк 1985], в 1980 г., естественно, еще не могла быть использована в полной мере. Вследствие этого приводимая в [Грамматике-80] информация об ударении производных слов, принадлежащих к тем или иным словообразовательным типам, не отличается полнотой и носит достаточно бессистемный характер.

Преодоление этого разрыва представляется одной из важнейших задач современной русистики.

В настоящей статье, посвященной дополнению и уточнению некоторых результатов, полученных А. А. Зализняком, рассматривается несколько частных проблем, касающихся как словообразовательной, так и словоизменительной акцентологии русского языка.

1. Былое и думы:

ударение прилагательных с суффиксом *-л-*

Для суффикса отглагольных прилагательных *-л-* в книге [Зализняк 1985] дается маркировка ←, предполагающая постановку ударения на основе. Приводя многочисленные отклонения от общего типа — *удалой* (*//удáлый*), *жилой*, *пожилой*, *гнилой*, *былой*, а также редкие *прибылой*, *убылой*, — А. А. Зализняк отмечает: «... фактически это производные от глаголов с подвижным ударением в прош. вре-

мени (но с синхронической точки зрения данный тип связи с ударением глагола уже не может быть описан никаким регулярным способом)» [там же: 87]. Как нам представляется, это утверждение не вполне точно.

Прилагательные на *-л-ой* (без учета слова *удалой*) образуются всего от трех глаголов — *жить*, *жить*, *быть* и их производных. Эти три глагола действительно имеют в прош. вр. подвижное ударение, а именно принадлежат к акцентной парадигме (далее а.п.) /с (ср. *жила́, жи́ло, жи́ли; гнила́, гни́ло, гни́ли; была́, бы́ло, бы́ли*). Среди глаголов, от которых образуются акцентно стандартные прилагательные на *-л-*, подвижное ударение в прош. вр. имеют также только три — *лечь*, *расти* и *идти*: ср. *полеглы́й, рослы́й* (также *взрослы́й, перерослы́й*), *пришлы́й* (и др. на *-шлы́й*). Разница между прилагательными типа *жилой* и прилагательными типа *полеглы́й* очевидна: в первом случае суффиксу *-л-* предшествует гласный, во втором — согласный (иначе говоря, в русском языке нет отглагольных прилагательных на «согласный + *-л-ой*»).

Интересно, что существует и другой способ описания того же различия (на это обстоятельство автору впервые указал И. А. Держанский): глаголы *лечь*, *расти* и *идти* в прош. вр. принадлежат к а.п. /b (ср. *легла́, легло́, легли́; росла́, росло́, росли́; шла, шло, шли*); существенно при этом, что, как показывает сохранение конечного *-и* в инфинитиве глагола *идти*, флексийное ударение в формах *шла, шло, шли* является реальным, а не вынужденным [Иткин 2007: 194–195]. Соответственно, можно считать, что ударение на окончании получают **только** те прилагательные на *-л-*, которые образованы от глаголов а.п. /с. Такое решение все же представляется нам менее предпочтительным — прежде всего в силу некоторой его парадоксальности: получается, что прилагательные на *-л-ый* образуются от глаголов, имеющих ударение на окончании во всех формах прош. вр., а прилагательные на *-л-ой* — от глаголов, у которых такое ударение представлено только в форме ж.р.

Рассмотрим теперь ситуацию с прилагательным *удалой/удалый*. Если мы трактуем его как синхронное производное от какого-либо глагола, то таким глаголом, очевидно, может быть только *удаться*. Согласно данным словарей, этот глагол в прош. вр. имеет а.п. /с», что соответствует акцентуации *уда́лся/удался́, удала́сь, удало́сь/удало́сь, удала́сь/удали́сь*. С нашей точки зрения, однако, формы *удало́сь* и *удали́сь* в современном русском языке если и существуют, то как редчайшее отклонение, так что фактически этот глагол очень близок просто к а.п. /b. Таким образом, первое из предложенных выше описаний предсказывает появление формы *удалой*, а второе — формы *удалый*. А поскольку вариант *удалый*, еще в XIX в., как свидетельствуют в том числе данные НКРЯ, бывший сравнительно редким, но вполне нормативным, ныне уже почти не употребляется, в этом плане первое решение также выглядит более удачным. Добавим, что наблюдаемое в современном языке соотношение *удалой* — *разудалый* не следует рассматривать как акцентную аномалию: в точности такой же перенос ударения представлен в паре *косой* — *раскосый*, ср. также отстоящие несколько дальше примеры *прямой* — *упрямый* и *слепой* — устар. *подслепый*.

Как видно, приписывание суффиксу *-л-* акцентной маркировки ← не вполне соответствует наблюдаемому положению дел. Акцентные свойства этого суффикса уникальны: несмотря на свой очевидно словообразовательный статус, прилагательные на *-л-* демонстрируют вполне ясную зависимость от ударения *л-*форм мотивирующих глаголов.

2. Хищный глазомер простого овчара: к уточнению акцентных свойств суффикса *-ар*

Характеризуя акцентное поведение суффикса *-ар* (*-яр*), А. А. Зализняк пишет: «При главной маркировке ↓ D (ср. *коммуна́р, эмисса́р, гонора́р, формуля́р, овча́р* — схема *a*) в части слов действует маркировка → D: *боча́р, маля́р, школя́р, столя́р* (также опростившееся *гонча́р*) — схема *b*; колеблется *гуся́р*» [Зализняк 1985: 69].

На наш взгляд, слово *гонорар* едва ли можно признать членимым; кроме того, остается неясным, сколько различных суффиксов представлено, например, в словах *формуляр, комиссар* и *столяр* — один, два или даже три. Однако с чисто акцентологической точки зрения этот вопрос оказывается не столь важным: существенную роль играет лишь противопоставление двусложных существительных на *-ар, -яр* со значением лица всем остальным словам, в которых может быть выделен такой суффикс. Действительно, если любые многосложные существительные на *-ар, -яр* — *коммунар, комиссар, юбиляр, савояр, окуляр* и т.д., — а также двусложные неодушевленные — *стожар, пульсар, радар* — всегда сохраняют а.п. *a* и абсолютно непроницаемы для переноса ударения на окончание, то у двусложных одушевленных существительных типа *бочар, столяр* а.п. *b*, напротив, является преобладающей.

Согласно данным словарей, из слов рассматриваемой группы а.п. *b* имеют *бочар, маляр, школяр, столяр*, а.п. *a* — *овчар, фигляр, дояр*; слово *гусяр* может относиться как к а.п. *a*, так и к а.п. *b*. В отношении слов *овчар* и *гусяр* такие рекомендации вызывают серьезные сомнения. С целью проверки их соответствия реальному узусу мы проанализировали употребление косвенных форм этих слов в русской поэзии. В силу не очень высокой частотности слова *овчар* материалы НКРЯ в данном случае оказались бесполезны, однако более широкий поиск позволил обнаружить ряд показательных примеров, ср.:

Я объявляю всем: и овчарам,
И землепашцам, [и покрытым сажей]
[Угольшикам,] и горных нимф исчадьям...
(Софокл, «Следопыты», пер. Ф. Ф. Зелинского)

Где бога с сумкою пастушьей
Изобразили овчары,

Соприкоснулись в простодушье
 Все виды жизни, все миры.
 (И.-В. Гёте, «Фауст», пер. Б. Пастернака)

уже овчары поднимали жезлы
 пасхальную снедь собирали в узлы...
 (А. Цветков, «В полдневную темень на страшном ветру...»)

Я не люблю собак.
 Их выучку, их рабью
 Собачью преданность — вне зла и вне добра;
 Эрделя куцый зад, боксера морду жабью,
 Притворство и прицел в улыбке овчара...
 (Н. Слепакова, «Собакам и кошкам»)

Что нужно для чуда? Кожух овчара,
 щепотка сегодня, крупица вчера...
 (И. Бродский, «25.XII.1993»)

Особенно любопытными представляются первый и четвертый из приведенных примеров. В переводе драмы Софокла переводчик (или редактор) счел нужным указать место ударения в очевидно ненормативной форме *угóльщикам*, но форма *овчарам* никаких помет не имеет: флексивное ударение в этом слове было для него само собой разумеющимся. В стихотворении Нонны Слепаковой слово *овчар* употреблено не в литературном значении ‘чабан, овечий пастух’, а в просторечном — ‘собака овчарка’. Тем не менее ударение и здесь следует общей тенденции.

Напротив, случаи «правильной» с нормативной точки зрения акцентовки слова *овчар*, насколько можно судить, исключительно редки. Едва ли не единственный надежный пример, который нам удалось обнаружить, — стихотворение казахского поэта Кастека Баянбаева «Юрта»:

На джайляу выпасал
 Дедушка отару.
 На лугу, средь горных скал,
 Хорошо овчару!..

Не исключено, что принятое в словарях отнесение слова *овчар* к а.п. *а* объясняется ни чем иным, как его неосвоенностью.. для самих авторов словарей.

Что касается слова *гусляр*, то для него в стихотворных текстах нам не удалось обнаружить **ни одного** примера наосновного ударения в косвенных формах — при как минимум нескольких десятках примеров флексивного.

Таким образом, среди двусложных существительных на *-ар*, *-яр* со значением лица а.п. *а* имеют только искусственное образование *дояр* и плохо членимое *фигляр* (ср. *фигли-мигли*).

Проведенный анализ, как нам кажется, позволяет сделать следующие выводы.

Словарные рекомендации, касающиеся акцентуации слов *овчар* и *гусяр*, не соответствуют фактическому положению дел и должны быть изменены — скажем, на «**гусяр**, *гусяра́* и доп. устар. *гуся́ра*; **овча́р**, *овчара́* и доп. устар. *овча́ра*».

Суффикс *-ар* имеет сложную акцентную характеристику: → **D** при односложных основах в словах со значением лица (исключения: *дояр*, *фигляр*) и ↓ **D** в прочих случаях.

3. Четыре у:

об одном случае оттяжки ударения с беглого гласного

При описании акцентного поведения тех или иных классов русских лексем особую проблему составляют слова с беглым гласным, точнее, те их словоформы, где беглый представлен в вокализованном варианте: в этом случае ударение может падать как на сам этот гласный, так и на слог левее (ср. *сестра* — *сестёр*, но *сосна* — *сосен*). Эта проблема неоднократно привлекала внимание исследователей; она подробно рассматривается в работах А. А. Зализняка, а известный французский акцентолог П. Гард посвятил ей специальную статью [Garde 1968/2006].

Одно из частных правил, описывающих ударение в словоформах с беглым гласным, состоит в том, что у существительных м.р., принадлежащих к а.п. *b*, ударение в словарной форме падает на последний слог, ср. *кулёк*, *осёл*, *посól*, *псалóм*, *ковёр*, *хребёт*, *оте́ц*, *огóнь* и т.д. Исключение составляют всего четыре слова: *у́зел*, *у́гол*, *у́голь*, *у́горь* (далее — «группа *узел*»); их перечень приведен и в [Зализняк 1967: 264; 1985: 20], и — за вычетом слова *у́голь* (вероятно, потому, что для него ударение по схеме *b* не является единственно возможным) — в [Garde 1968/2006: 142]. Однако, как кажется, никто из исследователей не придавал специального значения тому факту, что эти четыре слова обладают поразительно сходной формальной структурой, которая может быть задана в виде *уCV'R*, где *C* — любой (реально — шумный) согласный, *V'* — беглый гласный, *R* — плавный сонант.

Ни одно из слов рассматриваемого типа, имеющих ударение на последнем слоге, такой структурой не обладает; иначе говоря, перед нами не случайный список исключений, а результат действия абсолютно жесткого формального правила, имеющего более высокий статус, нежели акцентологическое правило, предписывающее для всех слов типа *кулёк* ударение на беглом гласном.

Может ли стоять за этим правилом какая-либо историко-фонетическая реальность? Как нам представляется, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Важно отметить, что фактически приведенный перечень включает в себя не 4, а 5 единиц: слова *угорь* 'рыба' и *угорь* 'прыщ', ныне, по-видимому, воспринимаемые скорее как два значения одной лексемы — прямое и метафорическое, — восходят к двум разным праславянским словам и поныне различаются в большинстве славян-

ских языков, ср., например, польск. *węgorz* ‘угорь (рыба)’ — *wągr* ‘угорь (прыщ)’ [Фасмер 1986–1987, т. IV: 146–147]. Происхождение беглого гласного в словах «группы *узел*» неодинаково: в слове *угол* он восходит к праслав. *ь — ср. ст.-слав. *жгълъ*, лат. *angulus* ‘угол’; для *угорь* ‘рыба’ М. Фасмер [там же] восстанавливает праслав. *o — ср. польск. *węgorz*, хотя ближайшее внешнее соответствие — лит. *ungurys* ‘угорь’ — указывает на праслав. *ь; в словах *узел*, *уголь* и *угорь* ‘прыщ’ *e* и *o* представляют собой позднюю эпентезу. Напротив, начальное *у-* во всех словах «группы *узел*» имеет единый источник — праслав. *q, — однако совпадение носового *o* с *у* произошло в восточнославянском чрезвычайно рано — задолго до формирования акцентной системы современного русского языка в ее нынешнем виде. Что касается гласного *у* как такового, то в словах иной структуры оттяжки ударения на этот гласный не происходит, ср. *бу́гор* (беглый гласный стоит перед сонантом, но *у* не является начальным), *уто́к* (*у* является начальным и, более того, восходит к *q, но беглый гласный не стоит перед сонантом).

Таким образом, нам не остается ничего иного, кроме как признать, что появление «группы *узел*» обусловлено процессом, в работах по исторической грамматике чрезвычайно неудачно называемым выравниванием по аналогии; в действительности почти во всех тех случаях, когда такое «выравнивание» не является плодом фантазии исследователя, речь идет о действии вполне четких тенденций, в конечном счете нередко подчиняющих себе все слова, отвечающие определенным параметрам [Иткин 2008], как, собственно, и произошло в данном случае.

Что касается синхронного правила, требующего для слов «группы *узел*» сдвига ударения на начальный слог, то оно может показаться неправдоподобным в силу апелляции не к морфологической структуре слов, а исключительно к их фонемному составу. Подобная ситуация, однако, не уникальна. Так, ударение односложных существительных м.р. в русском языке в общем случае определяется сложным сочетанием семантических, прагматических и морфологических факторов [Зализняк 1977], но для слов с исходом на *-иц* соответствующие критерии оказываются излишними: все они до единого (ср. *плац*, *лещ*, *хвоиц*, *бориц*, *плюиц*...) принадлежат к а.п. *b* [там же: 98–99]; [Иткин 2007: 62].

4. Ключ и клич:

ударение односложных существительных м.р. с исходом на *-иц*

Упомянутые в конце предыдущего раздела существительные с исходом на *-иц* — единственная группа односложных существительных м.р. с одним и тем же конечным согласным, обнаруживающая полное единство акцентного поведения. Более того, обычно акцентуация односложных слов вообще не зависит от того, на какой согласный они заканчиваются. Интересный промежуточный случай состав-

ляют односложные существительные на *-ч*: их акцентуация куда менее тривиальна, чем у слов на *-щ*, однако может быть описана посредством единого правила. Фактически у существительных на *-ч* представлены только две а.п. — *a* и *b*: единственное отклонение представляет принадлежащее к а.п. *c* слово *харч* — редкий вариант *plurale tantum харчи*. Приведем весь имеющийся материал, разбив его на три группы (в первой группе представлены существительные а.п. *b*, во второй и третьей — а.п. *a*):

1) *рвач, ткач, врач, грач, меч, бич* (два значения), *луч, хрыч, сыч, ключ, мяч*;

2) *плач, клич, спич, кич* (*//кич*);

3) *ленч* (*~ланч*), *френч, клинч, смерч, матч, скетч, китч* (*//кич*), *скотч* (два значения), *путч*; в эту группу можно добавить также отсутствующее в [Зализняк 2003] слово *ганч* ‘вяжущий материал из смеси гипса с глиной, применяемый в штукатурных растворах’.

Можно видеть, что акцентуация односложных существительных с исходом на *-ч* описывается следующим правилом (далее — «*ч*-правило»): **к а.п. *b* принадлежат предметные (в том числе одушевленные) существительные, у которых конечному *-ч* предшествует гласный; все прочие существительные принадлежат к а.п. *a*.**

«*Ч*-правило» не имеет исключений, даже случаи акцентной вариативности для существительных на *-ч* крайне нехарактерны; лишь для слова *смерч* некоторые словари указывают также и вариант *смерча́, смерчи́* и т.д. по схеме *b* (например, в [ОСРЯ 1989: 528] он оценен как «доп.»), в современном языке, на наш взгляд, явно устаревший.

В каком отношении находится «*ч*-правило» к общим закономерностям акцентуации односложных существительных м.р.? Нет сомнений, что противопоставление предметных и абстрактных имен в целом близко к важнейшему семантическому принципу, сформулированному А. А. Зализняком: «Названия предметов, не поддающихся счету («неисчисляемых»), получают в ед. числе наосновное ударение, названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), — флекссионное» [1985: 24]. Однако имеются и отличия. Прежде всего, согласно этому принципу, освоенные неисчисляемые существительные должны получать а.п. *c*, которая, как мы уже отметили, у слов на *-ч* практически не представлена. Кроме того, кажется, ни в одной другой группе односложных слов акцентная оппозиция между предметными и непредметными именами не проведена с такой последовательностью. Что же касается запрета на флекссионное ударение у существительных с исходом на группу согласных (а только этим запретом может быть объяснена непринадлежность к а.п. *b* такого вполне предметного существительного, как *френч*), то в других группах односложных имен ничего подобного не наблюдается; напротив, в качестве одного из факторов, способствующих переходу к а.п. *b*, А. А. Зализняк называет исход основы «на согласную (не взрывную) + *т*» [1977: 98]. Таким образом, появление «*ч*-правила», как и появление «группы *узет*», представляет собой при-

мер взаимного уподобления ряда слов, обладающих одними и теми же формальными характеристиками, результаты которого способны порой «перевесить» те или иные закономерности более глобального порядка.

Библиография

- Грамматика-80 — Русская грамматика. Т. I–II. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк 1977 — Зализняк А. А. Закономерности акцентуации односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 2003 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2003.
- Иткин 2007 — Иткин И. Б. Русская морфология. М., 2007.
- Иткин 2008 — Иткин И. Б. *Contra analogiam* // Языковые контакты в аспекте истории (VI международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию). М., 2008.
- ОСРЯ 1989 — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1989.
- Фасмер 1986–1987 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Garde 1968/2006 — Garde P. *L'accent dans les formes russes à voyelle mobile* // Garde P. *Le mot, l'accent, la phrase: Études de linguistique slave et générale*. P., 2006.